

А.А. Богданов

Из психологии общества

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.А. Богданов**
Из психологии общества / А.А. Богданов – М.: Книга по Требованию, 2012. –
294 с.

ISBN 978-5-458-39879-4

А.А.Богданов в своей книге анализирует современное ему общество: его пороки, философию, социальные устои, политические взгляды, характерные черты психики, типы мышления и т.д.

ISBN 978-5-458-39879-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и другое не составляло большого препятствія,—и она то была ближайшимъ поводомъ для появленія тѣхъ статей, изъ которыхъ составилаь эта работа.

Однако, главное ея содержаніе — не критика, не полемика съ «идеализмомъ».

Успѣхъ «идеализма» былъ особенно замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что идеологи этого теченія далеко не отличались крупнымъ калибромъ. То были частью,—какъ гг. Струве, Булгаковъ, Туганъ-Барановскій,—представители того филистерскаго типа научной специализаціи, который при обычныхъ условіяхъ органически противенъ идеологамъ пролетаріата, частью,—какъ г. Бердяевъ,—люди просто невѣжественные и легкомысленно относящіеся къ идейной работѣ. И я не могъ не прийти къ заключенію, что немалую долю ихъ успѣха слѣдовало прямо приписать той «теоретической беззаботности» большинства практиковъ социаль-демократовъ, противъ которой справедливо возставалъ всегда тов. Плехановъ. Вопросамъ общей теоріи люди, отдавшіеся практической работѣ, удѣляли большей частью такъ мало времени и вниманія, что не могли быстро разобраться въ схоластической болтовнѣ и гносеологическихъ цитатахъ гг. «идеалистовъ», клятвенно увѣрявшихъ, что они «тоже социаль-демократы», и только «подводятъ» подъ марксизмъ «философскій базисъ». Къ тому же у нѣкоторыхъ изъ этихъ господъ имѣлись заслуги въ борьбѣ съ реакціонною стороною тогдашняго народничества, у другихъ заслугъ, правда, не было, но имѣлся тѣмъ большій апломбъ;—все это производило на неопытныхъ впечатлѣніе и увеличивало путаницу. То была наглядная иллюстрація пословицы: «кто палку взялъ, тотъ и капралъ».

Очевидно было, что непосредственная полемика съ «идеалистами» являлась наименѣе важной стороною задачи, вытекавшей для теоретика изъ данныхъ обстоятельствъ. А главное заключалось въ томъ, чтобы выяснить и популяризировать основные принципы, съ точки зрѣнія которыхъ легко было бы судить о жизненномъ смыслѣ любой, даже наиболѣе отвлечен-

ной идеологии. Только на этомъ пути можно было и на будущее время сколько-нибудь предотвратить «отвлеченно-теоретическія» увлоненія въ сторону чуждыхъ пролетариату идеологій, увлоненія, пролагающія дорогу практической путаницѣ и тактибъ опортюнизма.

Требовалось въ отчетливой формулировкѣ представить съ одной стороны реальное значеніе идеологии вообще, съ другой стороны—значеніе различныхъ *основныхъ идеологическихъ типовъ*; и эти идеологическіе типы надо было установить достаточно опредѣленно, чтобы подъ нихъ можно было безъ труда подводить то или иное конкретное идеологическое явленіе—ту или иную доктрину, теорію, религію и т. д. Такова была главная и *положительная* задача моей работы. Ей посвящена большая часть статей этого сборника.

Выясняя роль идеологическихъ формъ въ социальной жизни, какъ ея организующихъ приспособленій, я старался показать, насколько необходимымъ является соотношеніе этихъ формъ съ социальной практикой. Устанавливая историческіе типы идеологии, формы авторитарныя, социально-фетишистическія, синтетическія,—я констатировалъ ихъ связь съ опредѣленными общественными формациями и классами, съ ихъ развитіемъ и деградацией. При этомъ сами собой получаются устойчивые критеріи для оцѣнки жизненной прогрессивности или реакціонности—«истинности» или «ложности» отдѣльныхъ идеологическихъ формъ, вплоть до самыхъ отвлеченныхъ, въ родѣ философскихъ или религіозныхъ теорій.

Остальная, меньшая часть статей этой книги имѣетъ по преимуществу критическій и полемическій характеръ; онѣ направлены противъ «идеализма» и «критической» схоластики. Въ настоящее время гг. «идеалисты», какъ извѣстно, уже не беспокоятъ социаль-демократію своимъ сочувствіемъ: они разоблачены и нашли уже свое мѣсто,—большею частью, мирно пріютились на правомъ крылѣ либеральной партіи «кадетовъ». Но все-же я думаю, что выполненная критика ихъ идей еще и въ будущемъ можетъ не разъ пригодиться. Буржуаз-

ныя тенденціи различными путями и съ различныхъ сторонъ стремятся проникнуть въ пролетарскую идеологію, — но сами онѣ не особенно разнообразны формами, и сквозь небольшія варіаціи постоянно выступаютъ одни и тѣ же основные мотивы. Теперь на время теоретическіе мотивы этого рода отступили передъ практическими, — не слышно объ «идеализмѣ», зато «притупленіе противорѣчій» и «объединеніе всѣхъ классовъ противъ общаго врага» выступаютъ въ безчисленныхъ оттѣнкахъ и видахъ. Замедлится ходъ событій, станетъ жизнь менѣ бурной и тревожной — вмѣстѣ съ ростомъ интереса къ теоріи въ широкихъ кругахъ соціально-демократіи, — вновь явятся на сцену «абсолютныя» настроенія, «идеалистическія» и «критическія» теоріи, вѣроятно, въ нѣсколько новыхъ оболочкахъ, но съ тѣмъ же существеннымъ содержаніемъ, — какъ идеологически-организующія формы для практики компромисса и «притупленія противорѣчій». И тогда будетъ полезно вспомнить, что все это уже было, и употребить въ дѣло старое, испытанное оружіе, наряду съ новыми приемами, вытекающими изъ новыхъ условій...

Исходя изъ этихъ соображеній, я дополнилъ предлагаемое второе изданіе этой работы не только статьей «Революція и философія», сжато резюмирующей отношеніе самой «отвлеченной» идеологіи къ самой «конкретной» практикѣ, но и двумя маленькими критическими статьями («О пользѣ знанія» и «Философскій кошмаръ»), рисующими два своеобразныхъ вида идеологическаго вырожденія.

Да не потонетъ спокойный голосъ теоріи среди грознаго шума великой жизненной бури.

20 іюня 1906 г.

Въ полѣ зрѣнія.

...Es ändert sich die Zeit...

Въ старыя времена людямъ жилось лучше... То есть, собственно, не лучше, — конечно, не лучше, а... легче. И не въ томъ смыслѣ легче, чтобы меньше было труда и страданій — нѣтъ, всего этого было болѣе чѣмъ достаточно,—а *думать* людямъ не приходилось. За нихъ думали другіе; но и эти другіе, собственно, тоже не думали, потому что и за нихъ думали трети, а за третьихъ, такимъ же образомъ, четвертые, и т. д. Казалось бы, что въ этой цѣпи «не-думанья» должны были на самомъ ея концѣ оказаться какіе-нибудь «думающіе»; но и этого не было. Дѣло въ томъ, что цѣпи конца не было. Цѣпь живыхъ людей въ своемъ цѣломъ соединялась съ цѣпью мертвыхъ, и за живыхъ думали мертвые; это называлось за-вѣтами предковъ. За мертвыхъ думали, совершенно также, еще болѣе мертвые, и здѣсь продолженіе цѣпи окончательно терялось во мракѣ временъ. Несомнѣнно, что творческая мысль чело-вѣка существовала и въ этой цѣпи цѣпей — иначе жизнь давно прекратилась бы. Но мысль эта распредѣлялась по всей цѣпи такими безконечно-малыми дозами, которыя были неуловимы и, потому, неутомительны для людей. Если же въ какомъ-ни-будь мѣстѣ цѣпи творческая мысль проявлялась въ большемъ количествѣ—замѣтномъ и, слѣдовательно, утомительномъ—цѣпь судорожно сручивалась и въ порошокъ растирала проявленіе.

Затѣмъ она раскручивалась, и все шло по старому. Такъ это было, и это казалось хорошо.

Все было просто и ясно, и такъ опредѣленно, что могло легко уложиться въ рамки одной-двухъ формулъ. Въ философіи можно найти эти формулы въ самомъ чистомъ и законченномъ видѣ; онѣ были — *абсолютное* и *категорическій императивъ*. Абсолютнымъ опредѣлялось мышленіе, категорическимъ императивомъ—дѣйствія; то и другое не только въ важныхъ вещахъ, но и въ мелочахъ. Всякое выше лежащее звено цѣпи являлось абсолютомъ для всякаго ниже лежащаго, потому что было представителемъ всей остальной, безконечно развертывающейся вверху и въ прошлое цѣпи. Это называлось властью, и всякое ея проявленіе разсматривалось, какъ выраженіе безконечной воли, лежащей въ началѣ цѣпи. Всему абсолютному свойственно было повелѣвать, и повелѣвать категорически, т. е. не мотивируя и безъ всякихъ условій. Это понятно: если бы повелѣваніе не было самодовлѣющей категоріей, если бы оно допускало мотивировку или ограничительныя условія, надъ нимъ пришлось бы думать; а именно этого и не должно было быть.

Дѣло шло такъ. Отъ ближайшаго абсолюта человѣкъ получалъ точныя указанія — какъ жить, чему вѣрить, что дѣлать. Указанія были не мотивированы, а потому и непроверяемы, а потому не было и мысли объ ихъ критикѣ. Въ болѣе позднія времена бывало по нѣскольку абсолютовъ рядомъ,— это не мѣшало категоричности ихъ повелѣній, потому что роли ихъ были распределены, и они не сталкивались между собою: одинъ указывалъ, что думать, чему вѣрить, какъ чувствовать — для одной области жизни, другой для другой, третій для третьей, и т. д. Они взаимно признавали другъ друга, потому что имѣли общую исходную точку въ абсолютахъ, стоящихъ выше, какъ тѣ — въ стоящихъ еще выше. Всѣ звенья цѣпи не думали, но каждое изъ нихъ располагало исполнѣ достаточными данными, чтобы обойтись безъ этого: во 1-хъ, нѣкоторой суммой категорическихъ повелѣній отъ звеньевъ высшихъ, безъ

всякихъ, разумѣется, сомнѣній въ обязательности этихъ повелѣній; во-2-хъ, глубокимъ чувствомъ своей непогрѣшимости въ *своихъ* абсолютныхъ и категорическихъ повелѣнiяхъ нижшимъ звеньямъ, съ соответственной вѣрой въ непогрѣшимость вышнихъ; въ-3-хъ, нѣкоторой стихійностью воли, порождавшей непосредственные и рѣшительные рефлексы тогда, когда являлась необходимость категорически повелѣвать, а обстоятельства не были предусмотрѣны и предугазаны свыше. Всего этого хватало на всѣ запросы жизни — конечно, такой, которая не думаетъ. «Императивы» не всегда оказывались цѣлесообразными — случалось, что они имѣли въ результатѣ и голодъ, и морь, и истребленiе; но это не колебало непогрѣшимости разныхъ звеньевъ, потому что она дополнялась неисповѣдимостью; возможность сомнѣнiя замѣнялась формулой: значить, такъ надо было. Перерыва же цѣпи быть не могло, такъ какъ сила размноженiя людей безгранична, и разрушенные экземпляры стереотипно замѣнялись новыми.

Понятно, что думать, дѣйствительно, не требовалось, и было дѣломъ ненормальнымъ; это было до того ясно всякому, что слово «задумываться» служило обозначенiемъ для психическаго разстройства.

Но жизнь росла, и цѣпь растягивалась. Наступило, наконецъ, время, когда она должна была порваться. Возникло нѣчто новое, это новое называлось — человѣческая личность.

Въ глубинѣ общественной жизни, тамъ, гдѣ она развѣтвляется своими корнями среди безконечной природы, происходила невидимая работа. Живыя клѣтки могучаго растенiя набирались силъ и вырастали, и имъ становилось тѣсно, такъ какъ и стволъ и вѣтви были опутаны безчисленными оборотами цѣпи, каждое звено которой было — абсолютное. Живыя клѣтки тѣснили другъ друга и давили на звенья, встрѣчая и здѣсь и тамъ отвѣтное давленiе. Человѣкъ, рѣзко сталкиваясь съ другими людьми, начиналъ противопоставлять имъ себя, какъ единицу съ особыми, собственными интересами. Такъ зародилась личность. Боль сдавленной жизни и злоба стихiйной борьбы

за просторъ были ея повивальными бабками. Ребенокъ былъ здоровъ и энергиченъ; у него было будущее.

Когда личность пыталась развернуться во весь свой ростъ, то звеня цѣпи жестоко врѣзывались въ ея тѣло, и происходило одно изъ двухъ: либо цѣпь ее душила, либо разрывалась. Первое было гораздо чаще, послѣднее—гораздо важнѣе по результатамъ. Задушенная личность либо умирала—какъ умерла бы нѣсколько позже,—либо превращалась въ стереотипный экземпляръ вида «человѣкъ», какими всѣ были раньше. Разорванную же цѣпь приходилось связывать, что дѣлало ее еще короче, а ея давленіе—еще больше; она должна была растягиваться еще сильнѣе, чѣмъ прежде, и вмѣсто одного связаннаго мѣста разрывалась уже въ нѣсколькихъ новыхъ. Такъ дѣло шло и дальше.

Удержать прошлое не было никакой возможности. На каждомъ шагу происходило одно и то же: тотъ или другой изъ безчисленныхъ представителей абсолютнаго, выполняя свое естественное назначеніе, предъявлялъ жизни категорическій императивъ; и что же получилось? Нѣчто неслыханное, невѣроятное: вопросъ «почему?», требованіе мотивировки. Представитель абсолютнаго не могъ даже понять этого; недоумѣніе переходило въ озлобленіе, начиналась борьба. Она оканчивалась иногда такъ, иногда иначе, но дѣло было сдѣлано. Несомнѣнное переставало быть несомнѣннымъ, разъ высказано сомнѣніе; абсолютное уже не было абсолютнымъ, разъ о немъ могъ быть поставленъ вопросъ; категорическій императивъ терялъ категорическую природу, разъ его осуществленіе становилось въ зависимость отъ опредѣленнаго условія — хватитъ ли силы, чтобы заставить. *Это* было уже непоправимо.

Итакъ, принципъ личности долженъ былъ побѣдить, потому что за него была стихійность общественнаго развитія, потому что самъ онъ былъ органическимъ выраженіемъ растущихъ матеріальныхъ силъ общества. Но побѣдить, разрушить препятствія на своемъ пути—это еще не значить сдѣлать все. Принципъ личности зародился изъ борьбы человѣка противъ людей,

изъ жизненныхъ противорѣчій общества, онъ воплотилъ въ себѣ творческую силу этой борьбы, этихъ противорѣчій — но ихъ творческая сила ограничена. Противопологая себя въ борьбѣ другимъ людямъ, личность выступала раньше противъ безличнаго стереотипнаго человѣка; тутъ она себѣ не противорѣчила. Но вотъ она побѣждаетъ, и что же оказывается? Теперь вмѣсто стереотипной безличности передъ ней другая личность, *ей* она противопоставляется, *съ нею* ведетъ борьбу. Это уже настоящее противорѣчье, и въ немъ принципъ личности находитъ границу своему творчеству. Каждая личность представляетъ собою элементъ растущей жизни общества, его могущества, побѣждающаго природу, — и вотъ всѣ элементы ведутъ борьбу между собою, растущая жизнь идетъ сама противъ себя, сама себя останавливаетъ въ своемъ прогрессивномъ движеніи.

Нуженъ новый принципъ, новая форма, въ которой исчезло бы коренное противорѣчье, и силы, зарождающіяся въ глубинѣ, не растрчивали бы сами себя въ безплодной борьбѣ на поверхности. Эта новая форма — слияніе личныхъ жизней въ одно грандіозное цѣлое, гармоничное въ отношеніяхъ своихъ частей, стройно группирующее всѣ элементы для одной общей борьбы — для борьбы съ безконечною стихійностью природы. Такая форма неизмѣримо сложнѣе и цѣпи стереотипно повторяющихся звеньевъ, и анархическаго потока рѣзко сталкивающихся атомовъ. Требуется громадная масса творческой дѣятельности, стихійной и сознательной, чтобы разрѣшить эту задачу. Она по силамъ не человѣку, а только человѣчеству; — и только работая надъ нею, оно впервые становится человѣчествомъ. Эта глава исторіи начата давно, но никто не знаетъ въ точности, какъ далеко или близко ея завершеніе.

Общественная жизнь людей не такъ ровна, послѣдовательна и однообразна, какъ отвлеченное изображеніе смѣняющихся ея типовъ. Ея поле, на которомъ выступаетъ столько ростковъ будущаго, въ то же время загромождено обломками прошлаго. Еще *личность* не закончила свою творчески разрушительную работу, еще повсюду она опутана обрывками старой цѣпи. И

она уже не въ силахъ *сама* довершить свое дѣло, *сама* сорвать и бросить послѣдніе изъ этихъ обрывковъ.

Тѣ классы, вся сила которыхъ создана стихійно-атомистической борьбою человѣка противъ людей, не могутъ ради высшаго идеала отказаться отъ принципа этой борьбы—отъ принципа личности съ ея частными интересами и эгоистическими стремленіями: это значило бы отказаться отъ самихъ себя, перестать быть самими собою. А новые классы уже выступаютъ съ такимъ требованіемъ, и предъявляютъ его съ возрастающей энергіей. Они хотятъ уничтожить стихійныя столкновения общественныхъ атомовъ, хотятъ сдѣлать такъ, чтобы всѣ атомы гармонично двигались къ общей цѣли, чтобы они стали элементами стройнаго цѣлаго. Старымъ атомамъ это не нравится; они боятся утратить просторъ привычныхъ движеній: по природѣ своей они не въ состояніи понять того, что могутъ выиграть отъ полного участія въ безграничномъ и мощномъ движеніи цѣлаго,—вѣдь этого у нихъ еще нѣтъ и никогда не было; а что они потеряютъ, для нихъ понятно, это то, что у нихъ уже есть; и имъ кажется, что новая связь жизни хуже старыхъ цѣпей.

Тогда атомистическіе классы — средніе, промежуточные классы нашего общества — приходятъ къ перемѣнѣ фронта. Чтобы найти опору противъ потока времени, они не прочь уцѣпиться за иные уцѣлѣвшіе обрывки старой цѣпи. Конечно, тѣ ближайшія звенья, которыя врѣзываются въ ихъ тѣло, имъ попрежнему ненавистны, и они попрежнему готовы протестовать противъ нихъ; но они уже размышляютъ о томъ, какъ создать новую цѣпь, болѣе удобную, но достаточную для обузданія нарождающейся новой жизни. Памятуя о прочности прежней цѣпи, они уже находятъ полезнымъ прикрѣпить свою новую къ ея остаткамъ—не къ тѣмъ, которые сжимаютъ еще ихъ самихъ, а къ тѣмъ, которые лежатъ отъ нихъ подальше, всего лучше — къ тѣмъ, которые уходятъ совсѣмъ далеко въ безконечность, такъ что не угрожаютъ новыми опасностями. Такъ совершается возвращеніе къ идоламъ.